

**Статья в журнале «Аналитические записки Института Европы РАН»
(Выпуск II) № 14, 2026 (№ 425)**

**Норвежская арктическая энергетическая экспансия на фоне
ближневосточного кризиса: вызовы и возможности для РФ**

С.Н. Гриняев

***Аннотация.** Автор анализирует намерение Норвегии пересмотреть параметры добычи углеводородов в Арктике в условиях кризиса на Ближнем Востоке и ограничения, связанные с климатической политикой ЕС по мораторию на арктическую добычу. Оцениваются последствия рассматриваемого сдвига для интересов России в энергетическом, военно-политическом и нормативно-правовом измерениях с учётом появления устойчивого норвежского «коридора» поставок в европейскую энергосистему и усиления присутствия НАТО в Баренцевом море.*

***Ключевые слова:** Арктика, энергетическая безопасность, Норвегия, Европейский союз, Баренцево море, арктическая политика ЕС, мораторий на добычу, инфраструктурная уязвимость, интересы России, международная безопасность.*

После резкого сокращения поставок трубопроводного газа из РФ в ЕС в 2022 г. Норвегия стала его крупнейшим поставщиком в Европу, обеспечивая порядка трети потребностей. Конфликт на Ближнем Востоке и блокирование Ормузского пролива как ключевого маршрута транспортировки нефти и газа обнажили уязвимость ближневосточного направления и повысили ценность альтернативных, политически устойчивых источников энергоресурсов. Еврокомиссия пересматривает арктическую стратегию, в которой с 2021 г. зафиксирован курс на продвижение международного моратория на освоение новых нефтегазовых месторождений в Арктике и смежных регионах¹.

***Автор.** Гриняев Сергей Николаевич – доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра арктических исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Email: sgreen@csef.ru*

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21420260512> EDN: <https://www.elibrary.ru/EVRULU>

Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21420260511> EDN: <https://www.elibrary.ru/>

¹ The EU in the Arctic. EEAS. 28.01.2026. https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-arctic_en (дата обращения: 15.03.2026).

Норвегия стремится использовать сложившееся «окно возможностей» для легитимизации расширенной добычи в Баренцевом море, позиционируя себя как надёжного поставщика газа для ЕС и подталкивая его к корректировке арктической повестки. Для РФ это создаёт риски дальнейшего вытеснения с европейского энергорынка, усиления военно-политического давления в Баренцевом море и нормативного закрепления дискриминационного подхода к российским арктическим проектам.

Норвежская стратегия в контексте ближневосточной турбулентности

В условиях блокирования Ормузского пролива норвежские политические и деловые круги акцентируют внимание на том, что ближневосточное направление для европейской энергетической безопасности становится менее предсказуемым, а морские поставки через нестабильные регионы подвержены как ценовой, так и физической волатильности^{2,3,4,5}. На этом фоне в норвежском экспертном дискурсе вновь поднимается тезис о необходимости усиления «северного измерения» в обеспечении газом и нефтью, в котором ресурсы Баренцева моря рассматриваются как стратегический резерв для покрытия европейского спроса с горизонтом до 2030-х годов с учётом постепенного падения добычи на зрелых месторождениях Северного и Норвежского морей⁶. Норвежские заявления опираются на статус этой страны как крупнейшего экспортёра трубопроводного газа в ЕС (ее доля в первом квартале 2025 г. оценивалась более чем в половину импорта трубопроводного газа ЕС⁷). В ряде источников подчёркивается, что дальнейшее наращивание добычи возможно за счёт освоения северных акваторий, так как традиционные провинции (Тролль, Экофиск и Статфьорд эксплуатируются с 1970-х годов) истощаются^{8,9}.

Важным аргументом становится сопоставление «углеродного следа» будущих проектов Баренцева моря с альтернативными источниками, в первую очередь СПГ, поставляемым

² Schuler, M. Norway Bars Its Ships From Hormuz as Attacks on Merchant Vessels Escalate. gCapitan. 12.03.2026. <https://gcaptain.com/norway-bars-its-ships-from-hormuz-as-attacks-on-merchant-vessels-escalate/> (дата обращения: 17.03.2026).

³ Fuentes, G., The impact of the closure of the strait of Hormuz. NHH Bulletin. 12.03.2026. <https://www.nhh.no/en/nhh-bulletin/article-archive/2026/march/the-impact-of-the-closure-of-the-strait-of-hormuz-on-europe-and-norway/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁴ Bédos Ulvin, P., Høyre-politiker om gass i Barentshavet: – Vi må ikke være naive. <https://www.energiogklima.no/nyhet/brussel/hoyre-politiker-stokkebo-om-gass-i-barentshavet-vi-ma-ikke-vaere-naive> (дата обращения: 17.03.2026).

⁵ Norges regering överväger större oljereserv. TN. 13.03.2026. <https://www.tn.se/article/47020/norges-regering-overvager-storre-oljereserv/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁶ Ressurser per havområde. Norskpetroleum. 04.03.2026. <https://www.norskpetroleum.no/petroleumsressursene/ressurser-per-havomrade/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁷ Increase in imports of liquified gas, drop in petroleum. Eurostat. 26.06.2025. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20250626-2> (date accessed: 15.03.2026).

⁸ Produksjon, felt i drift og investeringer. SokkelDirectorat. 2025. <https://www.sodir.no/aktuelt/publikasjoner/rapporter/sokkelaret/sokkelaret-2025/produksjon-felt-i-drift-og-investeringer/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁹ Production forecasts. Norskpetroleum. 02.03.2026. – URL: <https://www.norskpetroleum.no/en/production-and-exports/production-forecasts/> (дата обращения: 25.03.2026).

танкерами на дальние расстояния. Отталкиваясь от оценок выбросов на единицу энергии, лоббистские и экспертные структуры, связанные с норвежской нефтегазовой отраслью, утверждают, что газ из уже лицензированных районов Баренцева моря может характеризоваться меньшей суммарной эмиссией за жизненный цикл, чем значительная часть СПГ, ориентированного на европейский рынок, особенно при электрификации месторождений и строгом контроле выбросов метана¹⁰. Такая аргументация призвана соединить темы энергетической безопасности и климатической ответственности в единый дискурс и тем самым снизить внутривластическое сопротивление в странах ЕС.

Эволюция арктической политики ЕС и внутренняя конфигурация ограничений

Арктическая политика ЕС, закреплённая в 2021 г.¹¹, содержит принципиальное положение о продвижении многостороннего обязательства не открывать новые проекты по добыче углеводородов в Арктике и сопряжённых регионах, а также о стремлении отказаться от импорта арктических углеводородов. Такой подход отражал сочетание климатических целей, задач по защите экосистем и стремление ограничить потенциал РФ как арктического энергетического игрока. Однако резкое сокращение российских поставок и последующее ускорение поиска альтернативных источников изменили практическую конфигурацию энергетической политики ЕС, при этом нормативная рамка формально сохранилась.

По мере развития кризиса на Украине и усиления антироссийского санкционного режима произошёл существенный сдвиг в структуре газового баланса ЕС, в результате чего доля РФ как поставщика упала до минимальных величин, а удельный вес Норвегии и других поставщиков СПГ заметно вырос. Еврокомиссия в начале 2026 г. инициировала пересмотр арктической политики с проведением общественных консультаций, подчёркивая необходимость баланса между задачами энергоснабжения, охраной окружающей среды и неопределённостью долгосрочного спроса на газ в условиях энергоперехода¹². Эксперты уже обсуждают введение дифференцированного режима, чтобы открытые и инфраструктурно опорные районы норвежского сектора Баренцева моря могли стать

¹⁰ Varre Sandøy, E., Guldbrandsøy, T., Busby, E. EU Arctic policy review: Barents gas could hold the key for Europe's energy security and supply diversification. Rustad Energy. 24.02.2026. <https://www.rystadenergy.com/news/eu-arctic-policy-barents-sea-europe-energy-security-us-lng> (дата обращения: 17.03.2026).

¹¹ Joint Communication on a stronger EU engagement for a peaceful, sustainable and prosperous Arctic. EEAS. 13.10.2021. https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-stronger-eu-engagement-peaceful-sustainable-and-prosperous-arctic_en (дата обращения: 15.03.2026).

¹² Ingvadóttir, F.S. EU Launches Review of Arctic Policy Amid Rising Climate and Security C. <https://arcticportal.org/ap-library/news/4036-eu-launches-review-of-arctic-policy-amid-rising-climate-and-security-concerns> (дата обращения: 15.03.2026).

исключением при соблюдении строгих технологических и экологических условий, а более чувствительные высокоширотные зоны оставались закрытыми для освоения^{13,14,15}.

Важным элементом дискуссии стала попытка пересмотра технического определения Арктики применительно к норвежскому сектору Баренцева моря на основе отсутствия устойчивого ледового покрова из-за влияния тёплых океанических течений^{16,17}. Отражение подобного подхода в нормативных документах ЕС позволит формально не отказываться от курса на мораторий, но фактически откроет «регуляторный коридор» для норвежских проектов в Баренцевом море и де-факто узаконит дифференцированный подход к арктическим государствам, усилив асимметрию по отношению к России.

Военно-политическое измерение арктического энергетического вектора Осло

Резкое усиление роли Норвегии в обеспечении газового баланса ЕС сопровождается ростом внимания к безопасности ее энергетической инфраструктуры, включая подводные трубопроводы и объекты на шельфе Северного, Норвежского и Баренцева морей. На фоне диверсий на газопроводах «Северный поток» и повреждения интерконнектора *Balticconnector* в Балтийском море ЕС и НАТО называют подводную инфраструктуру потенциальной мишенью для саботажа, нагнетая пропаганду «угрозы» со стороны России. Это приводит к наращиванию морского и воздушного мониторинга и расширению практики совместных патрулирований. Глава Национального управления безопасности Норвегии Ларс Кристиан Аамодт в 2024 г. подчёркивал, что с ростом зависимости Европы от норвежского газа возрастает риск физических и кибератак, активизируется движение судов российского «теневого флота» около критической инфраструктуры¹⁸.

Предполагаемое превращение Баренцева моря в один из опорных энергетических коридоров ЕС стимулирует укрепление военно-политического присутствия НАТО в северной части Норвегии и прилегающих водах, включая расширение системы наблюдения за подводной обстановкой, усиление патрульной авиации и развитие взаимодействия с партнёрами по альянсу. Для России это означает сужение пространств, в которых возможно развёртывание сил и средств с минимальным внешним наблюдением, а также рост

¹³ Brigham, L., Gamble, J., (2022). Strategy for Protecting the Future Arctic Ocean. *Oceanography*. DOI: 10.5670/oceanog.2022.131.

¹⁴ Ruffin N and Rüländ A-L. Between global collaboration and national competition: Unraveling the many faces of Arctic science diplomacy. *Polar Record* 58(e20): 1–12. DOI:10.1017/S0032247422000158

¹⁵ Branka, Tomasz. (2022). The End of Arctic Exceptionalism? New Arctic Approach after February 24, 2022. *Przegląd Strategiczny*. 373-392. DOI: 10.14746/ps.2022.1.22.

¹⁶ Gerland, S., Ingvaldsen, R., Reigstad, M., Sundfjord, A., Bogstad, B., Chierici, M., Hop, H., Renaud, P., Smedsrud, L., Stige, L., Årthun, M., Berge, J., Bluhm, B., Borgå, K., Bratbak, G., Divine, D., Eldevik, T., Eriksen, E., Fer, I., Wassmann, P. (2023). Still Arctic? The changing Barents Sea. *Elem Sci Anth*. 11. DOI: 10.1525/elementa.2022.00088.

¹⁷ Ottersen, G., Blenckner, T., Hátún, H., Maar, M., Niiranen, S., Schourup-Kristensen, V., Yletyinen, J. (2025). Nordic Marine Ecosystems in a Changing Climate. DOI: 10.6027/temanord2025-541.

¹⁸ Ballenger, G., Kornegay (Jr.), P. An EU Lifeline Puts Norway in Russia's Bullseye. *NewSecurityBeat*. 02.09.2025. <https://www.newsecuritybeat.org/2025/09/an-eu-lifeline-puts-norway-in-russias-bullseye/> (дата обращения: 15.03.2026).

вероятности инцидентов в условиях высокой плотности военной активности в непосредственной близости от жизненно важных маршрутов Северного флота и объектов российской арктической инфраструктуры. Поддержание Норвегией значительного инфраструктурного присутствия, включая размещение персонала, в северных регионах, в том числе посредством энергетических проектов, рассматривается как инструмент долгосрочного закрепления контроля вблизи границ с Россией и как элемент сдерживания.

Последствия для интересов РФ

Усиление энергетического присутствия Норвегии в Баренцевом море и возможный пересмотр арктической политики ЕС в пользу ограниченного допуска норвежских проектов формируют устойчивый тренд на закрепление роли этой страны как ключевого поставщика трубопроводного газа в Европу в среднесрочной перспективе. В сочетании с ростом доли СПГ это уменьшает возможности для возвращения значимых объёмов российского газа на рынок ЕС даже при гипотетическом смягчении политических ограничений, поскольку инфраструктура будет ориентирована на альтернативных поставщиков.

Это усиливает необходимость переориентации экспортных потоков РФ на азиатские рынки и одновременно повышает значимость развития собственных арктических проектов преимущественно в логике восточного вектора, что уже отражается в наращивании мощностей СПГ в российском арктическом секторе. Нормативная дифференциация Арктики, предполагающая фактическое выделение «допустимых» норвежских зон и «недопустимых» российских, несёт риски институционального закрепления дискриминационной практики в международных и региональных режимах регулирования. В частности, ЕС может реализовать такой подход при обновлении своей арктической политики, интегрируя в директивах по энергобезопасности и экологических стандартах дифференциацию морских акваторий, где норвежский сектор Баренцева моря с развитой инфраструктурой квалифицируется как «зона низкого риска» с возможностью лицензирования при обязательном применении строгих критериев декарбонизации и мониторинга биоразнообразия, а российские зоны остаются под жестким мораторием. В сочетании с санкциями это осложнит привлечение зарубежных технологий и капитала в российские арктические проекты, усилит давление на экологическую и социальную составляющую таких проектов. Вместе с тем, наличие заключенного ранее российско-норвежского договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане¹⁹ создаёт правовую основу для совместного освоения трансграничных месторождений и сохраняет потенциальную базу для кооперационных моделей в случае изменения политического контекста.

РФ необходимо системно отслеживать эволюцию дискурса и нормативных решений ЕС по Арктике, фиксируя несоответствия между заявленной ориентацией на мораторий и

¹⁹ Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15 сентября 2010. <https://docs.cntd.ru/document/902266343> (дата обращения: 15.03.2026).

фактическим стремлением узаконить норвежские проекты в Баренцевом море. На основе такого мониторинга можно строить аргументацию, изобличающую избирательность европейской политики и требующую равного подхода ко всем арктическим государствам при условии соблюдения ими общих экологических и технологических требований.

Заключение

Попытка норвежских экспертов и стоящих за ними крупных энергетических компаний и госструктур, ведя консультации по обновлению европейской арктической стратегии, увязать ее пересмотр с кризисом на Ближнем Востоке носит структурный характер и направлена на закрепление нового распределения ролей на европейском газовом рынке, при котором Норвегия и прочие поставщики СПГ поэтапно замещают конкурентов из РФ. Встраивание ресурсов Баренцева моря в долгосрочную архитектуру энергетической безопасности ЕС дополняется активизацией санкционной и нормативной политики, включая решение ЕС о поэтапном прекращении импорта российского газа и ужесточение ограничений на транзит и обслуживание арктических проектов. В совокупности это формирует устойчивую неблагоприятную внешнюю среду для РФ в энергетическом и правовом измерениях. Усиление Норвегии как ключевого поставщика газа сопровождается ростом значимости ее шельфовой инфраструктуры и, следовательно, мотивацией НАТО к расширению военнополитического присутствия в северных морях. В результате повышается плотность военной и разведывательной активности в непосредственной близости от российских акваторий. Складывается комплексная конфигурация, при которой энергетический, инфраструктурный и силовой компоненты усиливают друг друга и ограничивают возможности для маневра России в европейской части Арктики.

Следует признать необратимость значительной части уже произошедших структурных сдвигов в европейской энергетике, что требует от России не попыток восстановления прежней модели взаимозависимости с ЕС, а адаптации к новой ситуации, в которой европейское направление теряет статус ядра экспортной стратегии. Переориентация на азиатские рынки и Северный морской путь, уже заявленная в официальных документах и экспертных оценках, приобретает не только экономический, но и геополитический смысл. Она позволяет компенсировать утрату европейского спроса за счёт долгосрочных контрактов с азиатскими потребителями и укреплять транзитный потенциал Арктики в рамках проектов Северного морского пути и сопряжённых логистических цепочек.

Целесообразно ориентироваться на несколько взаимосвязанных направлений действий.

Во-первых, в энергетической сфере следует ускорять развитие восточного вектора экспорта газа и нефти, уделяя приоритетное внимание увеличению мощностей по производству СПГ в Арктике и расширению инфраструктуры Северного морского пути для обслуживания азиатского спроса, опираясь на уже сформировавшийся интерес Китая, Индии и других стран.

Во-вторых, необходимо усилить защиту собственной арктической инфраструктуры и транспортных коридоров, включающих развитие систем подводного и воздушного наблюдения, повышение устойчивости объектов к кибератакам, совершенствование механизмов взаимодействия между гражданскими и военными структурами в условиях роста активности НАТО в северных морях.

В-третьих, на нормативном направлении важно последовательно формировать и продвигать альтернативную повестку регулирования арктической деятельности, в которой упор делать на единые экологические и технологические стандарты для всех государств региона, а не на политически мотивированные моратории, позволяющие демонстрировать приверженность «устойчивому развитию», и вскрывать избирательность подхода ЕС к арктическим проектам. В частности, в условиях приостановки деятельности Арктического совета и ограничения двусторонних контактов с Норвегией Россия может последовательно формировать альтернативную повестку через разработку отраслевых стандартов с акцентом на метрику нулевого факельного горения, электрификации платформ и мониторинга выбросов метана, предлагая их как основу для многосторонних протоколов в рамках ООН. Важно активизировать научную дипломатию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, продвигая совместные оценки экологических рисков в Арктике через БРИКС+ и ШОС для демонстрации превосходства российского технологического подхода над политизированными мораториями ЕС.

В российско-норвежском взаимодействии целесообразно поддерживать необходимые каналы технического и экспертного диалога по вопросам безопасности мореплавания, экологического мониторинга и управления трансграничными экосистемами, используя при этом положения о совместной разработке ресурсов в Баренцевом море как потенциальную точку опоры для нормализации отношений при изменении политического контекста.

Такое сочетание экономической переориентации, инфраструктурной защиты, нормативной инициативности и точечного поддержания технического диалога даст возможность не только минимизировать негативные последствия норвежской арктической экспансии и корректировки политики ЕС, но и превратить часть вводимых ограничений в стимул для ускоренного развития арктического потенциала РФ в интересах обеспечения долгосрочной энергетической и внешнеполитической устойчивости государства.

Дата выпуска: 1 апреля 2026 года.

Norway's Arctic energy push amid Middle East turmoil: implications for Russia's interests

Author: Grinyaev Sergey Nikolaevich, Doctor of Technical Sciences, Chief Researcher at the Center for Arctic Research, Department of Country Studies of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences).

Address: 11-3 Mokhovaya Street, 125009 Moscow, Russia. E-mail: sgreen@csef.ru

Abstract. The author analyzes Norway's desire to review the EU's Arctic energy agenda in the context of destabilization in the Middle East and restrictions related to EU climate policy on moratorium on Arctic

production. Special attention is paid to assessing the consequences of the shift for Russian interests in the energy, military-political and regulatory dimensions, taking into account the emergence of a stable Norwegian supply corridor to the European energy system and the strengthening of NATO's presence in the Barents Sea.

Keywords: *Arctic, energy security, Norway, European Union, Barents Sea, EU Arctic policy, drilling moratorium, infrastructure vulnerability, Russia's interests, international security.*

<http://www.zapiski-ieran.ru>

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21420260512> EDN: <https://www.elibrary.ru/EVRULU>

Release date: April 1, 2026.